

Александр
ПершайЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БОРЬБА ЗА ПРАВА
ЖЕНЩИН БОРЬБОЙ ЗА ГЕНДЕРНОЕ
РАВЕНСТВО?, ИЛИ О НЕОБХОДИМО-
СТИ ВКЛЮЧЕНИЯ В ДИСКУРС ДРУ-
ГИХ ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫХ
ГРУПП

В последнее время много говорят о гендерном равенстве, но мало кто задумывается над тем, что на самом деле значит этот термин. В большинстве случаев политики, активисты и ученые *гендерным равенством* называют «равенство полов», а именно – равенство мужчин и женщин. Поэтому для многих «гендерное равенство» принимает форму борьбы за права женщин, которые помогут построить общество, где мужчины и женщины будут иметь равные возможности. Часто термины *гендерное равенство* и *права женщин* отождествляются и употребляются в качестве взаимозаменяемых категорий, что по сути неправильно. Такое понимание гендерного «равенства» сосредоточено только на правах мужчин и женщин и исключает права представителей всех остальных полов и гендерных идентичностей – ведь полов гораздо больше, чем мужчины и женщины. Именно проблема упрощенного понимания гендерного равенства на постсоветском пространстве явилась толчком к написанию этого комментария. О чем, на самом деле, идет речь, когда мы произносим «гендерное равенство»?

Подчеркну, что я обеими руками голосую за права женщин и поддерживаю необходимость «выравнивания» возможностей женщин принимать участие в политической жизни, карьерного роста и ликвидации «стеклянного потолка», возможности самими женщинами рапорядаться своим телом и обладать правом на аборт и пр. Но борьба за права женщин не является борьбой за гендерное равенство, так как она охватывает только одну группу – пусть самую большую, но *одну из многих* социальных групп, ежедневно испытывающих дискриминацию по признаку пола. Другими словами, речь идет

не столько о правах женщин, сколько о необходимости признания того, что существует пол, который находится за пределами нормативных «мужчин» и «женщин».

Так, например, есть люди, рожденные со «смешанными» половыми органами. В североамериканском дискурсе это явление называют *intersexuality* – дословно, «междуполовость», т.е. пол, который находится «между» представителями нормативного пола. Причем, таких людей не так мало. Другое дело, что в одних культурах люди, с «неопределимым» полом почитаются, как некто ближе к богу, а в других, в частности в Евроцентристской цивилизации, как аномалия, которую нужно «исправить» и о которой нужно молчать. В наши дни многие родители не прибегают к хирургическим вмешательствам, в то время, как ранее в таких случаях дети с «неопределимым» полом подвергались многочисленным операциям по «исправлению» репродуктивной системы, согласно «женскому» или «мужскому» образцу. Я предпочитаю использовать термин *меж(ду)половость* для обозначения интерсексуальности для того, чтобы подчеркнуть несовпадение этой категории с гетеронормативными требованиями к полу. Русскоязычное ухо в термине *интерсексуальность* слышит сексуальность, а не пол, в то время как в англоязычном дискурсе этот термин прежде всего апеллирует к полу, точнее к невозможности его узнавания.

Другая группа, немного более социально заметная, но не менее табуированная и медиализированная – это трансгендеры.¹ Сам термин *трансгендерность* является «зонтичным» и покрывает многообразие не сисгендерных, нормативных форм пола. *Сисгендерный* (от англ. *cisgendered*) означает людей, у которых их врожденный биологический пол не противоречит их гендерной идентичности – тому, как человек себя видит и определяет, – например, у биологических женщин, которые живут и чувствуют себя как женщины, а не как мужчины или как-то еще – второе переведет их в ранг трансгендерности.

Трансгендерность очень разнородна. Часто эта категория пола рассматривается через призму узнаваемых и легитимных

¹ Интерсексуальность и трансгендерность – это две абсолютно разные категории, приравнивать которые не правильно. В этой статье я апеллирую к трансгендерности и интерсексуальности как к двум не тождественным группам, которые в равной степени, но *по-разному* угнетаются традиционной гетеронормативной системой.

форм существования нормативного пола: женщин и мужчин, женственности и мужественности. Для некоторых трансгендерных индивидов дихотомия женского и мужского не приемлема. Использование слов *мужчина* и *женщина* по отношению к себе они находят некомфортным, так как эти термины замыкают их в «чужом» пространстве, заставляют выбирать одну из форм нормативного пола, ни одна из которых к ним не применима.² Другими словами, традиционные формы пола принуждают часть трансгендерного сообщества быть теми, кем они не являются. В этом случае трансгендерность может означать свободу от традиционных форм определения пола и гендерной идентичности. С другой стороны, некоторые трансгендерные индивиды видят себя исключительно как мужчин и женщин, со всеми атрибутами мужественности и женственности. Применение каких-либо других терминов по отношению к ним будет восприниматься как унижение. Вторая группа трансгендеров более социально «знакома»; в некоторых случаях она ведет к операции по перемене пола и определяется как транссексуальность. Хотя, такое разделение достаточно условно, так как каждый случай трансгендерности индивидуален и может противоречить нормативному пониманию пола.³

Возвращаясь к проблеме гендерного равенства, важно задать вопрос, почему интерсексуальность и трансгендерность обычно выпадают из поля зрения тех, кто борется за права человека и с дискриминацией по признаку пола? Почему проблемы неравных возможностей всегда сводятся только к борьбе за улучшение прав женщин, оставляя за бортом все остальные маргинальные формы пола и идентичности? Проблема такого категориального смещения гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. И дело тут не только в том, что такое отношение к проблеме гендерного равенства несправедливо по отношению к конкретным живым людям,

2 См. например, работы Дэвида Вэлентайна, в которых он рассматривает проблему насилия категорий трансгендерности и их разноплановое восприятие в трансгендерных сообществах. Valentine D., Wilchins R. A. One Percent on the Burn Chart: Gender, Genitals and Hermaphrodites with Attitude // *Social Text*. 1997. Vol. 52/53. P. 215-222; Valentine D. *Imagining Transgender: An Ethnography of a Category*. Durham, 2007.

3 См. подробнее: А. Першай. Пространство трансгендера: язык, культура и гегемония пола // *Такая*. 2004. №3. 20.07.2004. <http://takaya.eu/texts/essay/transgender/>

чья идентичность или пол отличается от «мужчин» и «женщин». Эта проблема также указывает на то, что пол и гендерная идентичность не просто «естественный порядок вещей» или «культурная норма», а система организации социального пространства, где любые позиции «за гранью» нормативных мужчин и женщин замалчиваются и исключаются из общественной жизни.

Специалистка по вопросам ненормативной сексуальности и квир-политики Шейла Джеффрис отмечает, что гендер, как система распределения ресурсов, является неотъемлемым основанием для конструирования гетеросексуальной нормативности и мужского превосходства в патриархатном обществе.⁴ Без существования мужчин и женщин как *социальных категорий* и *единственно возможных* форм существования пола воспроизводство патриархатных форм будет невозможным. Поэтому для доминирующего гетеронормативного дискурса важно сохранить присутствие двух «привычных» форм пола даже в тех практиках, которые направлены на его деконструкцию. Другими словами, наше нежелание «проговаривать» проблемы гендерного равенства в терминах, отличных от *мужчины* и *женщины*, является актом символического доминирования гетеронормативной системы, пытающейся контролировать и сохранить традиционное восприятие пола, равно как и основанную на этом восприятии форму социальной организации.

Некоторые исследователи называют такую форму социальной организации патриархатом. На самом деле, здесь речь идет о более сложном и всеохватывающем процессе, который выходит за рамки политически ангажированного термина *патриархат*. При частом употреблении в контекстах с сильным политическим подтекстом терминология становится социальным знаком, то есть происходит смещение означаемого: речь уже идет не столько о самой критикуемой форме социальной организации, дискриминирующей по признаку пола, а скорее, о тех политических и идеологических принципах, за которые борется феминизм. То есть, употребление термина патриархат уже слишком общо для того, чтобы увидеть социальность означаемого за его политической

4 См.: Jeffrey S. Heterosexuality and the Desire for Gender // *Theorizing Heterosexuality: Telling it Straight*. D. Richardson (ed.) Oxford, 1996. P. 75-90.

значимостью.

Отмечу также, что суть проблемы здесь вовсе не в противопоставлении полов или «отличиях» мужчин и женщин, а в той системе, которая навязывает пол в качестве категориального критерия и заставляет нас видеть именно *разницу* полов. Такой подход весьма распространен на постсоветском пространстве и опасен тем, что он исключает проблематизацию и анализ механизмов распределения власти в отношениях между полами.⁵ Важно, что при таком понимании гендерного равенства речь идет только о мужчинах и женщинах, все остальные право голоса не получают.

Получается, что при редуцировании категории гендерного равенства к борьбе за права женщин все сводится к выравниванию социальных возможностей двух нормативных и биологически узнаваемых форм пола – мужчин и женщин. То есть, по большому счету, гетеронормативная система, которая воспроизводит и сохраняет «понимание» пола и, соответственно, социальные возможности, закрепленные за каждым из «общепринятых» полов, остается без изменений. Происходит «корректировка» деталей, которая иногда может быть в чем-то «прорывной» и что-то менять в конкретном контексте для конкретного нормативного пола, однако, механизм, производящий дискриминацию по признаку пола и другие формы социального угнетения, остается почти без изменений.

Подчеркну, что вышесказанное никоим образом не умаляет важность борьбы за права женщин – необходимо менять очень многое в общественном устройстве, законодательстве, медийных практиках и так далее., чтобы по крайней мере попытаться дать женщинами равные права с мужчинами. Но меняет ли эта борьба что-то в жизни тех, кого привычное понимание пола не замечает? Совпадают ли формы социального и культурного угнетения для женщин, интерсексуалов и

5 Антрополог Сергей Ушакин обращает внимание на то, что в постсоветских гуманитарных науках гендер выступает не как категория, «потенциально способная, если не подорвать, то значительно изменить сложившиеся/ сложенные представления о механизмах воспроизводства полового неравенства, о механизмах производства субъектности и субъективности, о механизмах реализации власти, и, наконец, механизмах воспроизводства желания и форм его удовлетворения», а является «обновленным вариантом «полового диморфизма» и «анатомическим различием тел». С. Ушакин. *Поле пола*. Вильнюс, Москва, 2007. С. 183, 185. См. также сс. 15-31 в этом выпуске альманаха.

трансгендеров? Нет. Значит, имеет смысл называть все как есть и не отождествлять борьбу за права женщин и гендерное равенство. Поскольку последнее не возможно без признания того факта, что формы пола и гендерной идентичности мужчинами и женщинами не ограничивается. Использовать термин *гендерное равенство* и говорить о правах женщин является дискриминацией остальных маргинальных форм пола и гендерной идентичности.

Возникает логический вопрос: что делать? Как вырваться из этой ловушки гетеронормативной системы? Если мыслить масштабно, то будет продуктивно сосредоточиться на создании такого социального пространства, в котором пол, гендерная идентичность и сексуальность не будут иметь первостепенной значимости, какую они имеют сейчас в постсоветском обществе. То есть, создать общество, в котором распределение социальных ресурсов не будет завязано на биологии или нормативности чьей-то гендерной идентичности.

Что реально делать каждому – это просто признать и начать открыто говорить о том, что кроме мужчин и женщин, есть еще множество других форм пола. Другими словами, это вопрос введения трансгендерности, интерсексуальности и всех других гендерно маргинальных групп в социальный и политический дискурс. На практическом уровне это означает сделать эти группы «видимыми», включить представителей этих групп в социальные структуры, позволяющие избежать отчуждения и дающие возможность полноценной общественной жизни, разработки программ социальной защиты, специальной медицинской помощи и пр.

Хотя самым сложным является первый шаг – признать тот факт, что кроме мужчин и женщин существуют другие формы пола и гендерной идентичности. А значит, говоря о гендерном равенстве, мы должны принимать во внимание всех людей, а не только права женщин. Последнее предполагает более четкое означивание целевой аудитории и избежание некорректного употребления термина *гендерное равенство*.